

Глава 3. В тёмных тонах

Чжун Бочэнь бесцеремонно сцапал меня за шкурку и втащил обратно вглубь экипажа, наградив предостерегающим взглядом. Мол, сиди тихо и не высовывайся. Поправив складки одеяния, великий канцлер сошёл на землю. Я тут же прильнул к углу оконного проёма, силясь разглядеть, что происходит снаружи.

— Его Высочество нездоров... — зычно объявил Чжун Бочэнь, встав перед каретой.

— Прочь, прочь! Я желаю видеть Его Высочество, — генерал Вэй Чэн даже не дослушал канцлера. Ткнув пальцем прямо Чжуну Бочэню в лицо, он громогласно гаркнул на сопровождающего его юношу: — Сын! А ну вышвырни этого пустозвона отсюда!

— Отец... ты это серьёзно? — на лице молодого воина, стоявшего подле генерала, отразилось искреннее страдание. — Вышвыривай его сам. Я ещё пожить хочу.

— Тьфу, недоросль бесхребетный! — в сердцах сплюнул генерал.

Хлопнув коня по крупу, он направил его прямо к экипажу. Чжун Бочэнь не уступил ни пяди. Огромные копыта замерли в волоске от его сапог, но канцлер даже бровью не повёл. Обстановка накалялась. Силы казались неравными: грозный всадник на поджаром гнедом жеребце буквально нависал над пешим чиновником. Чтобы дело не кончилось кровопролитием, я за мгновение до того, как Чжун Бочэнь схватился за рукоять меча, пулей вылетел из кареты.

— Дядя Вэй! — закричал я, глядя на опешившего генерала.

От этого крика мы оба замерли. Я и сам не понял, как официальное «генерал Вэй» сорвалось с языка домашним «дядя Вэй». Сам же виновник моего замешательства мгновенно соскочил с седла и размашистым шагом устремился ко мне. Чжун Бочэнь препятствовать не стал, лишь молча наблюдал за нами, не снимая ладони с эфеса.

Когда генерал Вэй вырос передо мной, солнце словно заслонило каменной стеной. Я оказался в его раскидистой тени, будто под грозовой тучей. Пришлось задрать голову, чтобы встретиться с ним взглядом, и только в этот миг я в полной мере осознал, насколько сам хлипкий и невзрачен. Генерал несколько раз окинул меня изучающим взглядом с ног до головы. Его рука то приподнималась, то опускалась, а в глазах горело лихорадочное пламя. Я безропотно сносил этот досмотр, не чувствуя ни робости, ни смущения.

— Хорош... Ох, хорош... — пробормотал он, то ли хваля меня, то ли сокрушаясь.

А затем вдруг рухнул предо мной на одно колено, склоняя голову в глубоком поклоне. Опешив от такого почтения, я поспешно подхватил его под локти, силясь поднять:

— Дядя Вэй, к чему такие церемонии? Негоже вам так склоняться, побойтесь неба!

Генерал Вэй крепко сжал мою ладонь и, проигнорировав подозрительный прищур Чжуна Бочэня, потащил меня напрямиком к матушке-императрице.

Вдовствующая императрица восседала с величественной осанкой. К вернувшемуся из долгого изгнания сыну она не проявила ни капли тепла. Несмотря на свои сорок с лишним лет, матушка сохранила увядающую, но неоспоримую красоту; в чертах лица всё ещё угадывалась та, чья внешность некогда сводила с ума целую империю. пышная фениксовая корона сияла в лучах солнца, а обилие драгоценностей так и кричало о её высоком статусе.

Поймав её откровенно пренебрежительный взгляд, я без труда прочитал её мысли, но спорить не стал. Опустившись на колени, я отвесил венценосной родительнице три церемонных земных поклона, обойдясь без фальшивых излияний и дежурных любезностей.

Поднявшись, я перевёл взгляд на младшего брата — принца Цзиня, который стоял поодаль и глуповато улыбался во весь рот. Я ласково поманил его рукой.

— Брат! Любимый брат! — радостно завопил принц Цзинь и, подлетев ко мне, стиснул в медвежьих объятиях.

От этого порыва рана на животе отозвалась такой резкой болью, что я судорожно глотнул воздух. К счастью, в этот момент Чжун Бочэнь подогнал экипаж ближе. Склонившись перед вдовствующей императрицей и молодым принцем, он негромко, но твёрдо произнёс:

— Ваше Императорское Величество, принц Цзинь. Десять дней назад на принца Ли было совершено покушение. Он тяжело ранен и сейчас едва держится на ногах от усталости. Прошу проявить милосердие и позволить Его Высочеству отдохнуть.

Заметив, что я бледнею и держусь за бок, младший брат испуганно захлопотал вокруг меня.

— Матушка! Давайте перенесём пир на другой день! — лихорадочно крикнул он, усердно запихивая меня обратно в карету.

От его чрезмерного рвения я ввалился в салон и ощутимо приложился макушкой об косяк. Принц запрыгнул следом и принялся суматошно тереть мне ушибленное место.

Снаружи донёсся раздражённый, холодный голос императрицы:

— Уходим.

Раздался шорох сотен одежд, стук копыт, и свита двинулась прочь.

Генерал Вэй лично сел на козлы и доставил нас прямым к Залу Благородного сияния. Брат всю дорогу щебетал над ухом, точно весенний скворец. Я вяло поддакивал впопад и невпопад, пока слуги бережно переносили моё измученное тело на ложе.

Вскоре покои заполнили императорские лекари. Они поочередно прощупывали мой пульс. Возглавлял их утончённый молодой человек. С самым благообразным видом он изящно засучил рукава халата, после чего без лишних разговоров бесцеремонно разжал мне челюсти и запихнул в рот три крупные пилюли. От невыносимой горечи у меня искры из глаз посыпались. Я попытался вытолкнуть языком эту гадость, но суровый лекарь коротко и звонко хлопнул меня по спине, заставив рефлекторно сглотнуть снадобье целиком.

Я закашлялся, едва не задохнувшись. Благо, одна из расторопных служанок вовремя поднесла пиалу с тёплой водой, а следом сунула мне в рот сладкий цукат. Я посмотрел на свою спасительницу со священным трепетом и с трудом выдавил:

— Спасибо...

— Ваш покорный слуга, Шангуань Ся, приветствует принца Ли, — бесстрастно произнёс лекарь, отвесив сухой поклон, после чего прижал к груди лекарственный сундучок и направился к выходу.

У самых дверей его придержал страж Сюй Чанчжи. Они долго шептались на пороге, заставив меня невольно заподозрить худшее — уж не пора ли мне заказывать погребальные принадлежности?

Перекатывая за щекой спасительную сладость, я обратился к покорно замершей у постели служанке:

— Как зовут тебя, дитя?

— Ничтожная раба зовётся Хундоу, Ваше Высочество, — кротко отозвалась она.

При улыбке на её миловидном лице показались забавные девичьи ямочки. Заметив, что мой взгляд намертво прикипел к вазочке со сладостями в её руках, она поспешно спрятала её за спину:

— Ваше Высочество, лекарь строго-настрого запретил вам злоупотреблять сладким.

— Ну и ладно, — со вздохом попятился я на подушки.

Шангуань Ся к тому времени уже скрылся из виду. Вошедший в покои Сюй Чанчжи выразительно взглянул на служанку. Девушка мгновенно всё поняла и, склонив голову, заговорила:

— Раба велит подавать обед.

— Брат! Матушка устроила пышный приём, но раз ты так утомлён дорогой... Быть может, я останусь с тобой и мы перекусим прямо здесь? — младший, похоже, уходить не собирался, продолжая цепко держать меня за руку.

Я слабо кивнул, вглядываясь в его узкие, фамильные глаза, и почувствовал неожиданный прилив родственного тепла:

— Да, точь-в-точь наши, цэньские глаза...

— А? Что ты говоришь, брат? — Цэнь Жуй стянул со стола аппетитное печенье и принялся уплетать его за обе щеки, щедро осыпая мою грудь крошками.

У меня аж слюнки потекли. Только я потянулся, чтобы выпросить кусочек, как перед ложем соткался Чжун Бочэнь. Вежливо, но непреклонно поклонившись принцу Цзиню, он отрезал:

— Ваше Высочество принц Цзинь. Принцу Ли необходим полный покой. Будет лучше, если вы навестите его в другой день.

Младший брат жалобно посмотрел на меня, затем перевёл взгляд на грозного канцлера. В его глазах промелькнул отчётливый страх перед Чжуном Бочэнем:

— Мне совсем не хочется возвращаться к матушке... Она опять засыплет меня упрёками да нотациями.

Чжун Бочэнь застыл в церемонном поклоне, не проронив ни звука. Этот жест красноречивее любых слов указывал на дверь. Надув губы, брат уставился на меня. Притворившись совсем обессиленным, я легонько сжал его предплечье:

— Ступай, хороший мой. Завтра свидимся.

— Договорились! — простодушный малый тут же просветлел и, прикусив зубами остатки сладости, весело выскочил прочь.

Я облегчённо выдохнул и вытянулся на ложе. Чжун Бочэнь так и остался стоять у изголовья, словно собираясь что-то сказать, но колеблясь. Переборов неловкость, я решил извиниться первым:

— Прости меня.

Чжун Бочэнь искренне изумился и тут же приложил ладонь к моему лбу:

— Ваше Высочество, неужто снова жар?

— Да нет же, — виновато улыбнулся я. — Я прошу прощения за свои давешние глупые подозрения в карете. Прошу господина великого канцлера не держать на меня зла.

Он на миг замер, после чего сухо отдёргнул руку:

— Ваше Высочество изволит шутить.

Я вгляделся в его лицо, пытаюсь уловить хоть какую-то эмоцию, но взгляд великого канцлера оставался непроницаемым, точно гладь лесного озера. Это не сулило ничего хорошего. Судя по спектаклю, разыгравшемуся у ворот дворца, расклад сил вырисовывался следующий. Во-первых, матушка-императрица меня откровенно ненавидит. Во-вторых, младший брат на моей стороне. В-третьих, генерал Вэй и Чжун Бочэнь играют в одной команде, но при этом бдительно следят друг за другом. Одно радовало: оба они относятся ко мне с искренней заботой и желают уберечь мою шкуру. И вот надо же было мне так глупо поссориться с могущественным канцлером! Это же чистейшей воды самоубийство.

Осмотревшись по сторонам и убедившись, что мы одни, я робко потянул канцлера за широкий рукав. Тот по-прежнему высился над постелью, холодный и неприступный, словно покрытый инеем каменный лев на январском морозе.

— Бочэнь... Как думаешь, матушка спит и видит, как бы отправить меня на тот свет?

— О вдовствующей императрице позаботится ваш слуга, — отчеканил Чжун Бочэнь со своей обычной лаконичностью. — Вашему Высочеству надлежит думать лишь о собственном здравии.

— Но неужели мне самому ничего не нужно делать? — я заёрзал на ложе, поскольку твёрдо знал: бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

— Нет необходимости. Берегите себя, — Чжун Бочэнь упорно избегал смотреть мне в глаза, отчего на душе становилось только тревожнее.

Заметив, что он собирается уходить, я окончательно отбросил всякий стыд. Резко выпростав руку, я уцепился за его пояс с такой силой, что статный канцлер покачнулся и едва не упал на меня.

— Поговори со мной... — взмолился я. — А то мне до смерти страшно здесь одному.

Притворство мне никогда не давалось, зато наглости было хоть отбавля. В моём оригинальном

сценарии Чжун Бочэнь задумывался как безответно влюблённый в главного героя персонаж второго плана. Однако, глядя на его теперешнюю ледяную мину, я всерьёз заподозрил, что мой сюжет полетел к чертям в первые же минуты переноса. И в самом деле, с какой стати столь блестящему мужу западать на никчёмного принца-калеку?

Канцлеру пришлось со вздохом уступить моему напору. Вернувшись на край ложа, он спросил заметно смягчившимся тоном:

— О чём желает услышать Ваше Высочество?

— Меня не было дома долгие годы, и я совершенно отстал от жизни. Расскажи мне, как обстоят дела во дворце... Многого я не прошу, мне бы просто дожить свои дни в покое, — я состроил самое жалостливое выражение лица, на какое только был способен, надеясь растопить этот ледник.

Великий канцлер ответил будничным тоном:

— Хорошо, что принц Цзинь уговорил перенести сегодняшний банкет. Мои люди выяснили, что среди прислуги на пиру скрывалось несколько наёмных убийц.

У меня перехватило дыхание, а слова застряли в горле. Да что же творит моя дражайшая родительница?! За какие грехи она так меня ненавидит? Я ведь пальцем о палец не ударил, чтобы ей досадить! Кротко тянул лямку заложника на чужбине, её любимого младшего сына не обижал, гадостей за её спиной не шептал... Зачем же проявлять такую лютую жестокость?

— Те наёмники, что напали на вас десять дней назад, судя по всему, не имеют отношения ни к вдовствующей императрице, ни к принцу Чуню, — добавил канцлер, окончательно лишая меня дара речи.

Ну всё, пиши пропало. Мало мне было заговорщиков в лице старшего брата и родной матери, так теперь на сцене объявился загадочный третий игрок!

— Неужели... Ли Цин? — я задумчиво нахмурился, разыгрывая глубокую сосредоточенность.

На самом деле я понятия не имел, чьих это рук дело. Ранение главного героя по пути на родину было прописано в моём сценарии исключительно ради завязки сюжета. Но если исключить местных врагов, то под подозрение попадал лишь этот неблагодарный наследный принц царства Шэнсюань.

Но зачем ему меня убивать? Не сходится. О чувствах Ли Цина к главному герою в романе говорилось туманно — поди разберись, где там была фальшь, а где искренность. Судя по моим обрывочным воспоминаниям о пяти годах плена, причин избавляться от меня у него не имелось. Трус и приспособленец, больше всего на свете дорожащий троном и собственной

репутацией. Ли Цин никогда не лез на рожон, предпочитая сваливать всю грязную работу на... мою скромную персону.

Я в нерешительности затеребил край одеяла. Кажется, продюсеры были правы, когда завернули мой сценарий: главный герой здесь получался на редкость недалёким.

Пока я предавался невесёлым мыслям, Чжун Бочэнь наклонился ближе и вкрадчиво спросил:

— С чего у Вашего Высочества такие предположения?

— Ну... как тебе сказать... — замялся я, судорожно пытаюсь спасти положение. — Логика проста. Если это не проделки брата или матушки, то организовать засаду на территории чужого государства мог лишь тот, у кого там безграничная власть.

Чжун Бочэнь выглядел искренне удовлетворенным и заметно облегченным:

— Разве Ваше Высочество не связывала с наследным принцем давняя и крепкая дружба?

— Одно дело — дружба, и совсем другое — долг перед родиной. Я прекрасно помню, кто я такой, — поспешил заверить его я, мысленно пытаюсь отодвинуть перспективу быть казнённым за государственную измену как можно дальше.

— Вот как? — интонация канцлера сделалась откровенно насмешливой. — Что ж, я едва не позабыл. Перед отъездом наследный принц Ли Цин просил передать Вашему Высочеству прощальный дар.

У меня внутри всё похолодело от дурного предчувствия. На губах Чжуна Бочэня заиграла едва заметная улыбка. Склонившись к самому моему уху, он прошептал:

— Царское одеяние с вышитыми драконами-ман и драгоценный нефритовый пояс.

Удружил так удружил, величество недоделанное! Меня едва кондрашка нехватила. Даже побег из столицы Шэнсюань не уберёт меня от вещественных доказательств измены! Какая ирония: неопровержимая улика угодила прямо в руки неподкупного канцлера, на чьё покровительство я так рассчитывал!

Судя по двусмысленной усмешке Чжуна Бочэня, моя потенциальная опора дала трещину. Бедному сиротинушке теперь и приткнуться некуда. К кому идти? К генералу Вэю? Тот вообще церемониться не станет: узнав о моих связях с вражеским принцем, тут же изрубит в капусту боевым палахом.

Дело дрянь, полнейшая дрянь. Я бессильно откинулся на подушки и выдавил из себя

единственное верное определение происходящему:

— Сумасшедший.

Иного слова не подобрать. Кажется, Ли Цин обвёл меня вокруг пальца с самого начала. Пускай этот сценарий вышел из-под моего пера и я оставил ему шанс на искупление в виде страстных признаний, его гнилая натура взяла своё. Никакое раскаяние не перечеркнёт то, как цинично он использовал героя, а после выставил за дверь. Но теперь, когда я оказался внутри собственной истории, этот персонаж лишился последних крох благородства, явив миру свою истинно чёрную душу.

— И как же Ваше Высочество расценивает такой жест? — Чжун Бочэнь явно не собирался оставлять меня в покое.

Я лишь горько усмехнулся. И что мне прикажете отвечать? Сказать, что Ли Цин пытается задобрить меня? Глупость, я всего лишь безродный принц-заложник. Заявить, будто он в меня влюблён? Да за такие речи суровый канцлер самолично выставит меня на мороз!

— Мне этот подарок ни к чему, — вздохнул я, решив избавиться от опасной вещицы. — Это... против правил приличия.

— И вам ничуть не жаль расставаться с ним? — взгляд Чжуна Бочэня становился всё острее. — Мои люди доносят, что отношение Ли Цина к вам... всегда выходило за рамки обычного приличия.

Я наконец потерял терпение, отнял ладонь от лица и в упор уставился на него:

— Да плевать мне на его чувства!

Канцлер явно не ожидал от меня столь базарной прямоты и на миг опешил, а затем тихо, но искренне рассмеялся. От его веселья мне стало только обиднее, и я беззлобно пихнул его ногой под бок:

— Если господин великий канцлер желал потешить себя моим позором, то поздравляю, зрелище удалось на славу!

— Ваш покорный слуга не посмел бы, — Чжун Бочэнь бережно перехватил мою лодыжку, укрывая ноги одеялом, и мгновенно вернул себе маску ледяного спокойствия. — Рад слышать, что вы не питаете иллюзий. Ведь то нападение на дороге действительно подстроил наследный принц Ли Цин.

Что?! Я резко выпрямился, едва не взыв от боли в животе. Моё авторское самолюбие подверглось жесточайшему удару. Я же сам вас выдумал, чертяка вас дери! Почему вы

отказываетесь следовать моему сценарию?! Выходит, Ли Цин с самого начала был законченным злодеем?

Пускай я сам первым сошёл с проторенной дорожки, но зачем наследнику Шэнсюань убивать меня?

Я в изумлении уставился на Чжуна Бочэня и развёл руками:

— Зачем ему это?

— А как думает Ваше Высочество? — снова уклонился от прямого ответа канцлер.

— Хватит говорить загадками! — в сердцах воскликнул я и легонько ткнул его пяткой в бедро.

Чжун Бочэнь невозмутимо вернул мою ногу под одеяло и укутал меня поплотнее, точно младенца.

— Принц Чун жаждал вашего возвращения, мы требовали того же. Ли Цин оказался меж двух огней. Не желая ссориться ни с одной из сторон, он решил разыграть собственную карту. Впрочем, полагаю, его целью была не смерть Вашего Высочества. Ему требовалось либо задержать вас в пути, либо вынудить нас первыми пойти на уступки и просить о вашем возвращении.

— Но как же... старший брат... разве он не... — у меня в голове окончательно всё перемешалось. В этот момент я почувствовал себя бездарным писаришкой, уступающим в сообразительности собственным творениям.

— Перед самым вашим отъездом кто-то тайно донёс принцу Чуню о нашем маршруте, — Чжун Бочэнь поднялся и принёс влажное тёплое полотенце.

Он бережно приложил ткань к моему лбу. Тепло ласкало кожу, но на душе у меня стало холодно и пусто. Эти люди вели свою, невероятно сложную шахматную партию, а я, наивный творец этого мира, расписал его слишком простыми мазками.

<http://bllate.org/book/19811/2028880>